

ФИЛОСОФІЯ ВЕТХОЗАВѢТНАГО МІРА.

Двѣ науки въ Германіи — богословіе ветхаго завѣта и этнографія — испытываютъ за послѣдніе годы сильнѣйшее вліяніе одной замѣчательной книги, перевернувшей многія изъ господствующихъ въ нихъ представленій. Книга эта вышла не изъ круговъ нѣмецкой науки; она есть плодъ традиціоннаго еврейскаго богословія, написана первоначально на древне-еврейскомъ языкѣ и только переведена по-нѣмецки. Мы имѣемъ въ виду книгу Оскара Гольдберга «Дѣйствительность евреевъ»*) Авторъ, хотя и вполне владѣетъ аппаратомъ современной философской мысли и предпосылаетъ своему изслѣдованію общеметафизическое введеніе, по существу однако стремится только точно воссоздать религіозное міровоззрѣніе, лежащее въ основѣ Ветхаго Завѣта или даже уже — Пятикнижія. (Съ его точки зрѣнія, уже многія позднѣйшія части Библии — въ частности псалмы и пророки — отражаютъ утрату въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ этого первоначальнаго міровоззрѣнія, образующаго существо «ветхаго завѣта»). Но книга не есть просто ученое изысканіе, извнѣ подходящее къ своему предмету; метафизика Пятикнижія, которую авторъ открываетъ и систематизируетъ на основаніи необычайно точнаго и тонкаго знанія Библии и совершеннаго проникновенія въ ея языкъ, есть для него вмѣстѣ съ тѣмъ предметъ глубокой вѣры, которую онъ страстно защищаетъ. Книга эта и ея авторъ представляютъ странное и замѣчательное явленіе нѣкаго духовнаго атавизма; въ ней говоритъ не просто современный ученый богословъ, хотя бы вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣрующій еврей, а какъ бы возродившійся

*) **Oskar Goldberg, Die Wirklichkeit der Hebräer. Einleitung in das System des Pentateuch. B. I., Berlin 1925.** По нѣмецки вышелъ пока только первый томъ, въ которомъ содержится, однако, и краткое резюме второго тома.

въ наши дни современникъ Моисея и синайскаго откровенія, для котораго воззрѣнїя той эпохи есть живая реальность. Но именно въ этомъ заключается и необычайное очарованіе, и источникъ объективной научной цѣнности этой книги.

Богословское толкованіе Пятикнижія начинается у автора съ одного центрального, необычайно парадоксальнаго утвержденія: Пятикнижіе, какъ онъ доказываетъ, нигдѣ не утверждаетъ *монотеизма* въ обычномъ смыслѣ слова, т. е. реальности единаго Бога и «мнимости», небытія другихъ боговъ. Оно исходитъ, напротивъ, на всемъ своемъ протяженіи изъ убѣжденія въ существованіи многихъ боговъ (элогимъ) (Такъ, Бытіе 1, 26: *сотворимъ* челоуѣка по образу *нашему*», Быт. 3, 22: «вотъ, Адамъ сталъ, какъ одинъ изъ Насъ», Исх. 18, 11: «Нынѣ узналъ я, что Господь великъ паче всѣхъ боговъ»; весь исходъ изъ Египта есть не что иное, какъ борьба Бога Іеговы съ богомъ (элогимъ) египтянъ; все Пятикнижіе вообще именуется въ «Числахъ» «книгой войнъ Іеговы» (противъ другихъ боговъ) и пр.). Отвергая, какъ бессмысленную выдумку, господствующую въ нѣмецкомъ богословіи ветхаго завѣта гипотезу скрещенія въ Ветх. Завѣтѣ двухъ текстовъ — «элогиста» и «іеговиста», — авторъ утверждаетъ на основаніи детальнаго анализа текста, что ветхозавѣтный монотеизмъ состоитъ лишь въ требованіи, чтобы еврейскій народъ сохранялъ вѣрность Богу Іеговѣ и не отступалъ къ другимъ богамъ, которые, однако, не менѣе реальны, чѣмъ Іегова... Другой моментъ, т. наз. еврейскаго «монотеизма» состоитъ въ убѣжденіи, что Богъ Іегова имѣетъ *метафизическое преимущество* передъ другими богами. Дѣло въ томъ, что по ветхозавѣтному представленію, «богъ» вообще есть не что иное, какъ *метафизически-біологическій центръ системы бытія*, которая эмпирически воплощена въ *народъ*; въ этомъ представленіи дѣйствуетъ нѣкое равенство «народы = міры = боги». Каждый народъ не только *имѣетъ* своего бога, но есть именно антропологическое воплощеніе этого бога; и съ другой стороны, богъ живетъ лишь, какъ трансцендентно-біологическій центръ «народа» (или «страны»), не имѣя по общему правилу никакого прямого отношенія къ личности. Въ этомъ смыслѣ Богъ Іегова есть Богъ еврейскаго народа, принципиально однородный богамъ другихъ народовъ. Съ другой стороны, Онъ имѣетъ, однако, и существенное преимущество передъ ними: Онъ есть единственный «предмірный богъ», имѣетъ большую и принципиально иную метафизическую глубину, и въ этомъ смыслѣ Онъ есть «Единый Богъ». Молитва: «внимай, Израиль, Господь твой — Богъ единый» имѣетъ смыслъ: «именно твой «элогимъ» — а не «элогимъ» другихъ народовъ — есть единственный предмірный Богъ». Но въ своемъ воплощеніи, т. е. въ своей метафизически-антропологической или этнической дѣйственности

въ конечномъ мірѣ «единый Богъ» становится однимъ изъ «элогимовъ»; въ качествѣ такового, онъ отнюдь не всемогущъ а, напротивъ, ограниченъ дѣйственностью другихъ боговъ, и ведетъ съ ними постоянную борьбу (или стремится къ «международному» размежеванію компетенцій). Нигдѣ въ Пятикнижіи (въ отличіе отъ позднѣйшихъ частей Ветх. Завѣта) не говорится, что Богъ живетъ «на небѣ», напротивъ, Онъ живетъ «среди своего народа», въ скиніи, въ облакѣ или огненномъ столбѣ, идущемъ передъ народомъ. И если царь Соломонъ говоритъ: «Поистинѣ, Богу ли жить съ человѣками на землѣ? Если небо и небеса небесъ не вмѣщаютъ Тебя — тѣмъ менѣе храмъ сей, который построилъ я» (Пар. 2, 6, 18) — то это есть, по мнѣнію автора, лишь свидѣтельство, что мнимо-мудрый царь Соломонъ, уже ставъ «эстетствующимъ» дилетантомъ религіи, потерявшимъ связь съ ея метафизическимъ существомъ, такъ какъ вся задача еврейства въ томъ и состояла, чтобы сотворить обитель Богу, достигнуть Его реальнаго присутствія среди народа. «Народъ» опредѣляется прямо, какъ «часть Бога» (Второзак. 32, 9), т. е. Его эмпирическое воплощеніе, Его — выражаясь терминомъ современной физики — «силовое поле».

Существуетъ — и въ Пятикнижіи выражено — понятіе реальности, не связанное непосредственно ни съ «природой», ни съ человѣчествомъ или отдѣльной личностью, а связанное именно съ «народомъ». Каждый истинный, т. е. метафизическій народъ есть периферія системы, трансцендентно-біологическимъ центромъ котораго является *богъ* соотвѣтствующаго народа. Динамическое отношеніе между богомъ и народомъ есть сила, творящая эту реальность. Такъ какъ каждый подлинный народъ имѣетъ своего *особаго* бога (иногда и нѣсколькихъ боговъ), отличнаго отъ боговъ другихъ народовъ, то каждый метафизическій народъ имѣетъ свою обособленную сферу реальности, сравнимую напр. съ астрономической системой. Богъ cadaго народа стремится воплотить себя, какъ особый біологическій центръ, ведетъ поэтому борьбу съ другими богами — народами — борьбу за «колонизацію» міра. Этотъ богъ, какъ *особый* біологическій центръ, имѣетъ своимъ несовершеннымъ подобіемъ въ эмпирическомъ мірѣ, какъ бы своей «карикатурой», особый типъ животнаго — и въ этомъ заключается неразгаданная досель этнографами загадка тотемизма. Отдѣльные виды животныхъ суть какъ бы типы того бытія, которое овладѣло бы міромъ, если бы другіе «элогимъ», а не Богъ Іегова, всецѣло захватили бы его. Пятикнижіе полно тотемизма, хотя въ силу своеобразія Бога Іеговы, отношеніе еврейскаго народа къ тотему болѣе сложно и проблематично, чѣмъ у другихъ народовъ. Тотемистическое значеніе имѣетъ и «змѣя», и «золотой телець» и «козель отпушенія», тотемистично содержаніе извѣстна-

го «благословенія Іакова», гдѣ родоначальники отдѣльныхъ колѣнъ Израиля приравнены отдѣльнымъ животнымъ. Но боги суть, конечно, не просто эмпирически-натуралистическія біологическія силы; напротивъ, ихъ смыслъ (а потому и смыслъ «народовъ») заключается въ метафизическомъ преодолѣніи, съ помощью соотвѣтствующихъ біологическихъ силъ, природной законѣрности. *Народы и ихъ исторія суть учрежденія и начинанія, имѣющія цѣлью преодолѣть законы природы.* Каждое событіе въ исторіи «подлиннаго» народа полно метафизически-космическаго значенія, имѣетъ символическій смыслъ, какъ моментъ метафизической борьбы или метафизическаго «modus vivendi» боговъ. И только въ эпохи вырожденія, когда народъ утрачиваетъ связь съ своимъ богомъ и «фиксируется» въ своей эмпирической замкнутости отъ своего метафизическаго источника, наступаетъ для него пора безсмысленной, чисто эмпирической исторіи — выраженіе полной богооставленности. —

Вся ветхозавѣтная исторія есть, какъ уже указано, не что иное, какъ исторія борьбы, столкновеній и размежеваній между Іеговой и другими богами. Не только борьба Израиля, съ другими народами есть выраженіе этой борьбы боговъ; Іегова вынужденъ вести борьбу съ другими богами и внутри самого Израиля, и притомъ метафизически необходимую, а не только вынужденную случайнымъ грѣховнымъ отпаденіемъ Израиля (понятіе «грѣха», какъ первичнаго, религіознаго понятія, авторъ вообще совершенно отвергаетъ для міровоззрѣнія ветхаго завѣта). Дѣло въ томъ, что уже при самомъ сотвореніи человѣка Іегова вынужденъ былъ допустить соучастіе другихъ «Элогимъ». Т. наз. грѣхопаденіе и изгнаніе изъ рая есть первый эпизодъ борьбы за человѣка между Іеговой и элогимъ—замѣей. Слѣдующая попытка другихъ «элогимъ» овладѣть человѣкомъ передается въ Быт. въ исторіи смѣшенія «сыновъ Божіихъ» съ дочерьми человѣческими, что вызвало со стороны Іеговы катастрофическое мѣропріятіе потопа. Но и этимъ борьба не прекращается. Особое ея значеніе въ отношеніи Іеговы и его народа объясняется тѣмъ, что Іегова, будучи, въ отличіе отъ другихъ элогимъ, не просто метафизико-біологическимъ центромъ, а предмірнымъ Богомъ, не можетъ въ порядкѣ чисто натуральномъ укрѣпиться въ своемъ народѣ, а долженъ осуществить свою власть въ порядкѣ сверхнатуральномъ, сверхъестественномъ, черезъ особый религіозный актъ конституированія духовнаго типа народа Израиля въ предѣлахъ натурально-племенного единства еврейскаго народа, который въ своемъ расово-племенномъ существѣ подчиненъ постоянному дѣйствию другихъ боговъ. Таковъ смыслъ завѣта съ праотцемъ Авраамомъ и позднѣе черезъ Моисея съ еврейскимъ народомъ. Во эпоху египетскаго плѣненія Іегова былъ настолько вытѣсненъ изъ сферы

своего воплощенія, что долженъ былъ удалиться въ пустыню и лишь тамъ могъ явиться Моисею и начать новую борьбу за свой народъ. Путемъ чрезвычайно тщательнаго и документально обоснованнаго анализа авторъ показываетъ, что весь смыслъ ветхозавѣтнаго ритуала состоитъ именно въ томъ, что онъ есть система магически-гигіеническихъ и профилактическихъ мѣръ для «изоляции» Израиля отъ дѣйствія въ его плоти другихъ «элогимъ».

Существенный религіозный смыслъ этой концепціи заключается въ томъ, что, исходя изъ него, авторъ безусловно отвергаетъ обычное представленіе объ одностороннемъ отношеніи между Богомъ и человѣкомъ, гдѣ Богу приписывается абсолютное всемогущество и самодовлѣніе, а со стороны человѣка требуется только пассивная покорность Богу, смиреніе и молитва (какъ «мольба» безсильнаго къ всемогущему владыкѣ). Господствующее не только христіанское, но и еврейское — понятіе о Господѣ Богѣ (по нѣмецки выраженное въ словѣ «der liebe Gott») встрѣчаетъ въ авторѣ только презрительную иронию. «Союзъ» между Богомъ и человѣкомъ, «завѣтъ» между Іеговой и Израилемъ, есть какъ всякое объединеніе двухъ инстанцій, *двустороннее соглашеніе* направленное противъ общихъ противниковъ и обязывающее обѣ стороны къ активной помощи другъ другу. Если Іегова нуженъ Израилю, ибо только съ Его помощью онъ можетъ осуществить не землѣ свое истинное, эманентное призваніе, какъ «избранный» народъ, имѣющій своимъ біологическимъ центромъ предмірнаго, въ конечномъ итогѣ всепобѣждающаго Бога, то и Израиль нуженъ Богу въ Его трагической борьбѣ съ нисшими «элогимъ» за Его воплощеніе на землѣ— воплощеніе, внѣ котораго и самъ Богъ теряетъ смыслъ своего существованія.

Вся концепція Гольдберга представляетъ собой замѣчательный образецъ массивнаго, рѣзко-выпукло выраженнаго и прямолинейно до конца проведеннаго, враждебнаго всякому религіозному спиритуализму, *богоматериализма*, въ которомъ Вл. Соловьевъ интуитивно усматривалъ существо іудаизма. Религіозно эта концепція въ цѣломъ въ ея односторонности, конечно, неприемлема для болѣе глубокаго религіознаго сознанія, тѣмъ болѣе для христіанскаго сознанія. Но нельзя отрицать, что въ ней содержатся и очень цѣнные элементы, обычно упускаемые изъ виду или отрицаемые въ господствующемъ религіозномъ сознаніи. Чисто научно окончательное сужденіе объ этомъ построеніи принадлежитъ, конечно, только гебраистамъ. Но и не специалисту сразу же видно, что автору удалось усмотрѣть и выразить, что то очень существенное и характерное въ ветхозавѣтномъ сознаніи и въ особенности въ его древнѣйшей первоосновѣ.

С. Ф р а н к ѣ.